

Алексей Николаевич Леонтьев

Потребности, мотивы и эмоции

I. Потребности

Первая предпосылка всякой деятельности есть субъект, обладающий потребностями. Наличие у субъекта потребностей – такое же фундаментальное условие его существования, как и обмен веществ. Собственно, это – разные выражения одного и того же.

В своих первичных биологических формах потребность есть состояние организма, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его. Ведь жизнь представляет собой существование разъятое: никакая живая система как отдельность не может поддержать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также элементы, внешние по отношению к данной живой системе, отделенные от нее.

Из сказанного вытекает главная характеристика потребностей – их предметность. Собственно, потребность – это потребность в чем-то, что лежит вне организма; последнее и является ее предметом. Что же касается так называемых функциональных потребностей (например потребности в движении), то они составляют особый класс состояний, которые либо отвечают условиям, складывающимся в так, сказать, «внутреннем хозяйстве» организмов (потребность в покое после усиленной активности и т. д.), либо являются производными, возникающими в процессе реализации предметных потребностей (например, потребность в завершении акта).

Итак, природа потребностей заключается в их предметности. Другую важнейшую характеристику потребностей составляет их специфическая динамика: их способность актуализироваться и изменять свою напряженность, способность угасать и воспроизводиться вновь. Эта динамичность потребностей находит свое выражение в изменении степени реактивности организма по отношению к внешним воздействиям.

В ходе биологической эволюции происходит расширение круга потребностей и их специализация; дифференцируются такие потребности как потребность в пище, половая потребность и т. д. Вместе с тем, на поведенческом уровне потребности животных, как и сама их деятельность, приобретают сигнальный характер, т. е. регулируются с помощью сигналов – внешних и внутренних. Предмет потребности выступает теперь перед животным совокупностью своих признаков и поэтому в своей дискретности как то, что чувственно им отражается, воспринимается. С другой стороны, объективные «потребностные» состояния организма также сигнализируют о себе в форме регулирующих поведение животного внутренних раздражителей, способных, в свою очередь, вступать в условные связи. Благодаря этому становится возможным упреждение крайних потребностных состояний: например, поиск пищи животным может начаться в ответ на внутренние раздражители еще до того, как соответствующее объективное состояние его организма обострилось; точно так же животное прекращает еду по сигналам, идущим от органов пищеварения, еще до того, как необходимые продукты питательного вещества поступили в кровь. Иначе говоря, возникает субъективное отражение динамики потребностей.

Отражение субъектом динамики своих потребностей имеет, разумеется, другой характер и другую функцию, чем отражение внешней действительности: это – не предметное отражение, не образ, и его главная функция состоит в сигнальном, «опережающем» (П.К. Анохин) внутреннем регулировании – включение или выключение активационных механизмов соответствующих поведений.

На этой ступени развития потребностей впервые становится возможным особое

поведение, замечательная черта которого состоит в том, что оно соотносительно именно потребности, а не ее предмету. Оно возникает в условиях, когда предмет потребности отсутствует или не выделен во внешнем поле: это поисковое поведение.

Тот факт, что интероцептивные раздражители вызывают поиск, хорошо известен в физиологии высшей нервной деятельности. «Это явление, — пишет К.М. Быков, — особенно отчетливо выступает в период образования условного рефлекса на интероцептивный раздражитель. Животное ищет как бы новый, пока еще не определившийся в своем значении сигнал...»

У животных поисковое поведение имеет форму внешней активности, не направленной на тот или другой конкретный наличный объект: оно выражается в гиперкинезе, в общем двигательном возбуждении, в ауторитмических реакциях и т. п. Проголодавшееся животное не остается в отсутствии пищи бездейственным, не «ждет» пассивно ее появления; оно отвечает на воздействия раздражителей внешнего поля перебором сменяющихся друг друга актов поведения.

Среди различных случаев поискового поведения особо следует выделить случаи, когда поиск вызывается возникшей потребностью до ее первого удовлетворения. Такая потребность еще не «знает» своего предмета; он еще должен быть обнаружен во внешнем поле. Дело в том, что пусковые механизмы, активируемые эндогенными факторами, вообще обладают крайне слабой селективностью. Так, например, Г. Лоренц, рассказывая о знаменитых в этологии опытах с вызыванием у гусенка поведения следования за матерью, описывает объект, который может вызвать такое поведение следующими словами: «любой объект, величина которого находится где-то между размерами курицы бентамки¹ и большой весельной лодки». На этом «любом объекте» первоначально и фиксируется поведение, т. е. происходит запечатление (импринтинг) его общих признаков именно как объекта следования. Им может стать, например, человек вообще; лишь в дальнейшем вступает в игру механизм дифференцировки, в результате чего следование за собой вызывается уже только одним определенным человеком.

В некоторых работах этологов был применен очень острый метод, позволяющий изучать обычно скрытые от наблюдателя акты первого «узнавания» объекта потребности. Этот метод состоит в том, что животное некоторое время выращивается в изоляции от объектов, адекватных изучаемой потребности, а затем, когда данная потребность актуализируется, в поле восприятия вводится неадекватный ей объект. Оказалось, что в этих условиях потребность может зафиксироваться и на неадекватном объекте. Так, известны опыты с птицами, для которых сексуальными объектами становились оказавшиеся в поле их поиска, куклы или даже человек. Происходивший импринтинг общих признаков такого объекта (например, в цитируемом случае, — человек) был настолько прочен, что в его присутствии нормальный объект уже не вызывал у данного животного сексуального поведения.

Хотя такого рода факты были получены преимущественно в опытах с птицами, их общее значение не подлежит сомнению. Напомним хотя бы факт, относящийся к фиксации признаков объекта пищевой потребности у телят, который указывался еще Дарвином: если первое кормление телят происходит из материнских сосков, то признаки именно этого объекта и становятся сигнальными для его пищевого поведения, так что потом бывает уже трудно переключить его на кормление молоком из сосуда.

Во многих случаях поисковое поведение, вызываемое эндогенной актуализацией потребности, протекает на ранних стадиях онтогенеза в формах, которые с внешней стороны мало похожи на поиск — например, в форме «поисковых автоматизмов». Таков ауторитмический поиск соска у новорожденных высших млекопитающих, включая человека, который деблокируется под влиянием определенных так называемых ключевых стимулов и

¹ Бентамка — мелкая порода кур размером в половину обычной курицы.

блокируется вновь после того, как складывается адекватная акту сосания констелляция раздражителей.

Имеется множество фактов, которые свидетельствуют о том, что на поведенческом (психологическом) уровне конкретные объекты потребностей не «записаны» в наследственности, а открываются в результате активации сложных механизмов поиска (который может иметь разные явные и более скрытые формы), механизмов экстренного запечатления и, наконец, механизмов постепенной выработки условных связей и дифференцировок. Биологический смысл этого понятен: в условиях сложной, многообразно меняющейся среды, предмет потребности может выступать в различных, так сказать, оболочках. Поэтому, с точки зрения приспособления, жесткая наследственная фиксация совокупности признаков предмета потребности (в отличие от наследственных ключевых раздражителей) не является биологически оправданной. С другой стороны, экстренный характер важнейших потребностей делает необходимым чтобы существовал достаточно «быстродействующий» механизм закрепления выделенного в индивидуальном опыте объекта; по-видимому, этой необходимости и отвечает механизм импринтинга.

Итак, потребность сама по себе, как внутреннее условие деятельности субъекта, это лишь негативное состояние, состояние нужды, недостатка; свою позитивную характеристику она получает только в результате встречи с объектом («реализатором», по этологической терминологии) своего «опредмечивания». Это положение имеет, как мы увидим дальше, решающее теоретическое значение. Однако, на первый взгляд, оно может показаться парадоксальным. Дело в том, что представление о потребностях обычно складывается у нас на основе наблюдений *post factum*, т. е. когда потребность уже получила то или иное конкретно-предметное содержание; поэтому содержание это кажется заложенным в самой потребности, а не создаваемым ее объектами. Мы говорим, например, что человек ест шоколад потому, что он испытывает потребность в шоколаде и такую потребность он действительно может испытать: всякий, однако, понимает, что не «шоколадная» потребность, свойственная некоторым людям, создает у них потребление шоколада, а, наоборот, самый факт существования шоколада и опыт его потребления создает у них соответствующую конкретную потребность.

Здесь мы подходим вплотную к вопросу о том, как происходит развитие потребностей. То, что выше мы описывали как процесс «опредмечивания» потребностей, их конкретизации в объекте составляет, вместе с тем, и общий механизм их развития.

В процессе усложнения внешней среды естественно расширяется и частью изменяется круг объектов, которые способны служить удовлетворению потребностей животных, что влечет за собой также изменение и самих потребностей. Последнее может происходить благодаря тому, что, как уже было сказано, объекты потребностей, в отличие от пусковых («ключевых») раздражителей, — не являются заранее жестко «предусмотренными»: потенциально они образуют достаточно широкую сферу, границы которой являются как бы размытыми. Поэтому при появлении в среде новых объектов (например, новых видов пищи) и исчезновении прежних, потребности продолжают удовлетворяться, приобретая теперь новое конкретно-предметное содержание. Но это и значит, что потребности меняются, а в условиях прогрессивного характера их изменения (например, при переходе к лучше усваиваемым и более разнообразным видам пищи) обогащаются и развиваются. Таким образом, развитие потребностей происходит через развитие их объектов. Само собой разумеется, что изменение конкретно-предметного содержания потребностей приводит к изменению также и способов их удовлетворения.

Этот общий «механизм» развития потребностей имеет особенно важное значение для понимания природы человеческих потребностей.

Переход к человеку составляет величайшее событие в истории развития жизни. Происходит коренное изменение всей системы взаимодействий субъекта с окружающей его действительностью. При этом трансформируются, очеловечиваются и субъект, и мир, в котором он живет. Возникновение труда означает собой, что деятельность субъекта

становится продуктивной и общественной. Она преобразует природу и создает новый, человеческий мир — мир социальных отношений, мир материальной и духовной культуры. Возникает и новая форма психического отражения — сознание.

Все это предполагает и, вместе с тем, имеет своим следствием изменение у человека его предметных потребностей и возникновение функциональных потребностей нового типа. В отличие от развития потребностей у животных, которое обуславливается расширением круга отвечающих им природных объектов, у «готового», ставшего человека развитие потребностей порождается развитием производства. Именно производство, доставляя теперь потребностям предметы, служащие для их удовлетворения, этим их изменяет и создает новые потребности.

«Сама удовлетворенная первая потребность, — писал К. Маркс, — действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям и это порождение новых потребностей есть первое историческое дело».

Потребности человека имеют иную природу, чем потребности животных. На этом положении приходится специально настаивать, так как его столько часто встречающееся в психологии полупризнание ведет к противопоставлению биологического и социального в человеке. «Позитивное» мышление, конечно, легко открывает общность первичных, биологических потребностей человека и животных. Ведь человек, как и животное, имеет желудок и испытывает голод: чтобы существовать он должен, как и животное, удовлетворять свои потребности в пище, воде и т. п. Другое дело — высшие потребности человека. Они являются «функционально автономными». Они детерминированы не биологически, а социально. Иначе говоря, существуют два рода потребностей, управляющих человеком: биологические, с одной стороны, социальные — с другой.

Эта констатация является, однако, совершенно недостаточной. Ее недостаточность проистекает из ложного подхода, который состоит в том, что потребности рассматриваются в отвлечении от условий и образа жизни субъекта, в зависимости от которых они единственно получают свою определенность. При таком подходе природа потребностей естественно кажется лежащей непосредственно в субъекте, в то время как в действительности она зависит от особенностей объектов деятельности, которая ведет к их удовлетворению. У животных это — приспособленная, истинная в широком смысле слова, деятельность и это натуральные объекты, составляемые процессом общественного производства и распределения, поэтому мы говорим, что потребности человека имеют общественную природу. При этом последнее относится как к высшим, так и к элементарным потребностям.

Даже простейшая из потребностей — потребность в пище меняет при переходе к человеку свою природу. «Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет поедать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов», — замечает Маркс.

Метафизическая личность, конечно, видит в этом лишь внешнее отличие; чтобы обнаружить общность потребности в пище у человека и животного, достаточно взять изголодавшегося человека. Однако в аргументации этого рода как раз и заключается один из софизмов, к которым охотно прибегают защитники биологизаторских концепций. Для изголодавшегося человека пища действительно перестает существовать в своей человеческой форме и, соответственно, его потребность в пище «разчеловечивается». Но это доказывает только то, что человека можно довести голоданием до нечеловеческого состояния и решительно ничего не говорит о природе человеческих потребностей.

Перед нами — вопрос, который имеет принципиальное значение. Он заключается в следующем: проходит ли граница, которая отличает собой скачок в развитии потребностей, между элементарными потребностями животных и человека, с одной стороны, и высшими человеческими духовными потребностями, с другой; или же эта граница проходит между потребностями животных и потребностями человека как элементарными, «неустраняемыми», так и высшими. В первом случае сфера потребностей человека раскалывается надвое: на сферу биологических потребностей, к которым относятся пищевая

потребность, половая потребность, потребность самосохранения и т. д., и на противостоящую ей сферу высших потребностей, которые трактуются как имеющие другую, а именно социальную природу (мы не говорим здесь о крайних взглядах, полностью биологизирующих человеческие потребности). Во втором случае утверждаются своеобразие и, вместе с тем, единство сферы человеческих потребностей, а также относительность их разделения на потребности, удовлетворение которых у человека, как и у животных, необходимо для поддержания жизни, и не потребности, не имеющие своих аналогов у животных, какими являются все духовные потребности человека. Но мы еще вернемся к этой проблеме.

Изменение природы, содержания и способов удовлетворения потребностей внутренне связано с изменением формы их субъективного отражения. Возникновение сознания означает, что предметы потребностей, а равно способы и орудия их удовлетворения, могут субъективно презентироваться человеку, сознаваться им. Вместе с тем меняется также и внутренняя сигнализация, выражающая динамику потребностей. Интероцептивная по своим основным компонентам сигнализация, характерная для элементарных потребностей, частично осложняется, а частью заменяется переживанием желаний, стремлений и т. п. Все это приводит к тому, что потребности приобретают идеаторный характер, т. е. что их предметы выступают для человека в значении удовлетворяющих потребность и благодаря этому становятся психологическими инвариантами. Так, пища сохраняет значение пищи и для голодного, и для сытого человека: человек не только добывает пищу впрок и хранит ее, но заранее готовит также и средства для ее добывания. Субъективное отражение потребностей в форме хотения, желания тоже выполняет функцию опережения, но это совсем иное опережение, чем достигаемое опережающей интероцептивной сигнализацией. Интероцептивная, эндогенная сигнализация вообще может отсутствовать: человек принимается за добывание пищи или даже за еду независимо от соответствующего объективного потребностного состояния его организма.

В. Брюсов рассказывал о следующем комическом, но вместе с тем психологически поучительном случае, который ему довелось наблюдать. Маленькой девочке, большой любительнице сладостей, мама позволила в день ее рождения съесть за праздничным чаем столько конфет, сколько ей захочется. Через некоторое время девочка заплакала. Почему ты плачешь, — спросили у нее. «Я хочу еще конфету», — отвечала девочка. Так возьми еще, — ведь мама разрешила. «Но я больше не могу», — ответила девочка, продолжая плакать.

Глубокий метаморфоз потребностей у человека выражается в том, что происходит, образно говоря, их отвязывание от объективных потребностных состояний организма. Их несовпадение, а иногда и прямое расхождение между ними, ясно проявляется уже в элементарных потребностях. Значение этого состоит в том, что в развитии потребностей открывается новая возможность: формирования потребностей вообще «отвязанных» от потребностных состояний организма. Таковы высшие человеческие потребности, которые хотя и не имеют никаких аналогов в потребностях животных, но которые тем не менее могут обладать высокой степенью напряженности. Механизм их порождения, по-видимому, состоит в ставшем теперь возможным сдвиге потребностей на звенья, опосредствующие все более усложняющиеся связи человека с миром, с действительностью. Такого рода сдвиги описывались в психологии давно, в частности В. Вундтом в терминах «гетерогонии целей».

Сдвиг потребностей, о котором идет речь, происходит и на содержание деятельности. В результате формируются функциональные потребности совсем иного типа и иного происхождения, чем биологические функциональные потребности как, например, потребность сна или тратах мышечной силы. Этот новый тип функциональных потребностей, к которому относятся такие потребности, как потребность в труде, игре, художественном творчестве и т. д., можно назвать «предметно-функциональными».

Главное же состоит в том, что на этом уровне изменяется сфера потребностей в целом их связи и соотношения. У животных соотношения потребностей определяется их

биологической ролью их объективной цикличностью. Они выражаются в их относительной силе и в сменах доминирующих потребностей. У человека, потребности вступают в такие иерархические соотношения друг с другом, которые отнюдь не определяются их биологическими значениями. Хотя удовлетворение элементарных, витальных потребностей есть для человека «первое дело» и неустранимое условие его существования, из этого вовсе не следует, что эти потребности занимают главенствующее место.

Формирующиеся у человека высшие потребности не накладываются сверху на элементарные, образуя лишь поверхностные наслоения, не способные доминировать. Напротив, когда в жизни человека на одну чашу весов ложатся фундаментальнейшие из его витальных потребностей, а на другую его высшие потребности, то перевесить могут как раз последние. Классический образ мученика, восходящего на костер это, конечно, не символ извращения, перверзии потребностей, а символ их высшей очеловеченности.

Если бы понадобилось в самом общем виде выразить путь, который проходит развитие человеческих потребностей, то можно было бы сказать, что он начинается с того, что человек действует для удовлетворения своих элементарных, витальных потребностей, а далее отношение это обращается: человек удовлетворяет свои витальные потребности, чтобы действовать ради достижения целей, отвечающих его высшим потребностям.

Именно этот путь и характерен для развития человека как личности.

II. Мотивы

Изменение и развитие потребностей происходит через изменение и развитие предметов, которые им отвечают и в которых они «опредмечиваются» и конкретизируются. Наличие потребности составляет необходимую предпосылку любой деятельности, однако потребность сама по себе еще не способна придать деятельности определенную направленность. Наличие у человека потребности в музыке создает у него соответствующую избирательность, но еще ничего не говорит о том, что предпримет человек для удовлетворения этой потребности. Может быть он вспомнит об объявленном концерте и это направит его действия, а, может быть, до него донесутся звуки транслируемой музыки, и он просто останется у радиоприемника или телевизора. Но может случиться и так, что предмет потребности никак не представлен субъекту: ни в поле его восприятия, ни в мысленном плане, в представлении; тогда никакой направленной деятельности, отвечающей данной потребности у него возникнуть не может. То, что является единственным побудителем направленной деятельности, есть не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности.

Предмет потребности материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане мы называем мотивом деятельности.

Мотивы деятельности несут в себе действительную содержательную характеристику потребностей. О потребностях ничего нельзя сказать иначе, как на языке мотивов. Даже об их динамике (степени их напряженности, мере насыщения, угасания) мы можем судить лишь по силам («векторам» или «валентности») мотивов. Курт Левин был первым, кто в изучении потребностей человека пошел по этому пути и открыл в психологии побудительную силу объектов.

Итак, психологический анализ потребностей необходимо преобразуется в анализ мотивов. Это преобразование наталкивается, однако, на серьезную трудность: оно требует решительно отказаться от субъективистских концепций мотивации и от того смешения понятий, относящихся к разным уровням и разным «механизмам» регуляции деятельности, которое столь часто допускается в учении о мотивах.

Хотя изучение мотивов началось в психологии сравнительно недавно (первая специальная монография «Мотивы и поведение» П. Янга вышла в 1936 г., а первый обзор Моурера лишь в 1952 году), в настоящее время по проблеме мотивов имеется огромное

количество работ. Они, однако, почти не поддаются систематизации до такой степени различны те значения, в которых употребляется в них термин «мотив». Создается впечатление, что сейчас понятие мотива превратилось в большой мешок, в котором сложены самые разнообразные вещи. Среди мотивов или мотивирующих факторов называется, например, аппетит, влечения, импульсы, привычки и навыки, желания, эмоции, интересы, цели или такие более конкретные мотивы как раздражение электрическим током, ощущение удовольствия, честолюбие, зарплата, идеалы.

С точки зрения учения о предметности мотивов человеческой деятельности из категории мотивов, прежде всего следует исключить субъективные переживания, представляющие собой отражение тех «надорганических» потребностей, которые соотносительны мотивам. Эти переживания (желания, хотения, стремления) не являются мотивами в силу тех же оснований, по каким ими не являются ощущения голода и жажды: сами по себе они не способны вызвать направленной деятельности. Можно, впрочем, говорить о предметных желаниях, стремлениях и т. д., но этим мы лишь отодвигаем анализ; ведь дальнейшее раскрытие того, в чем состоит предмет данного желания или стремления, и есть не что иное, как указание соответствующего мотива.

Отказ считать субъективные переживания этого рода мотивами деятельности, разумеется, вовсе не означает отрицание их реальной функции в регуляции деятельности. Они выполняют ту же функцию субъективных потребностей и их динамики, какую на элементарных психологических уровнях выполняют interoцептивные ощущения функцию избирательной активизации систем, реализующих деятельность субъекта.

В еще меньшей степени можно считать мотивами такие факторы, как тенденция к воспроизведению прочно сформировавшихся стереотипов поведения, тенденция к завершению начатого действия и т. д. В механике, так сказать, деятельности существует, конечно, множество «динамических сил», частью имеющих приспособительное значение, а частью возникающих в силу устройства самих органов, посредством которых реализуется деятельность. Однако, эти силы могут быть названы мотивами не с большим основанием, чем, например, инерция движения тела, действие которой ведет к тому, что бегущий человек сталкивается с неожиданно появившимся на его пути препятствием.

Особое место занимают гедонистические концепции, согласно которым деятельность человека подчиняется принципу «максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций», т. е. направлена на достижение переживаний удовольствия, наслаждения и на избегание переживаний страдания.² Для этих концепций эмоции и являются мотивами деятельности. Иногда эмоциям придают решающее значение, чаще же они включаются наряду с другими факторами в число так называемых «мотивационных переменных».

Анализ и критика гедонистических концепций мотивации представляет, пожалуй, наибольшие трудности. Ведь человек действительно стремится жить в счастье и избегать страдания. Поэтому задача состоит не в том, чтобы отрицать это, а в том, чтобы правильно понять, что это значит. А для этого нужно обратиться к природе самих эмоциональных переживаний, рассмотреть их место и их функцию в деятельности человека.

Сфера аффективных, в широком смысле слова, процессов охватывает различные виды внутренних регуляций деятельности, отличающихся друг от друга как по уровню своего протекания, так и по условиям, которые их вызывают, и по выполняемой ими роли. Здесь мы будем иметь в виду лишь те приходящие, «ситуационные» аффективные состояния, которые обычно и называют собственно эмоциями (в отличие, с одной стороны, от аффектов, а с другой стороны от предметных чувств).

² Именно в этой связи в психологии и предпринимались попытки измерения, так сказать, эмоционального баланса человеческой жизни. По-видимому, наиболее старая работа в этом направлении, цитированная еще Мечниковым, принадлежит Ковалевскому, который предложил даже специальную единицу измерения удовольствия, названную им «густией». Такие попытки делаются и некоторыми современными психологами.

Эмоции выполняют роль внутренних сигналов. Они являются внутренними в том смысле, что сами они не несут информацию о внешних объектах, об их связях и отношениях, о тех объективных ситуациях, в которых протекает деятельность субъекта. Особенность эмоций состоит в том, что они непосредственно отражают отношения между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а именно о непосредственном их отражении, о переживании. Образно говоря, эмоции следуют за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности деятельности субъекта.

Таким образом, в самом общем виде функция эмоций может быть характеризована как индикация плюс-минус санкционирования осуществленной, осуществляющейся или предстоящей деятельности. Эта мысль в разных формах неоднократно высказывалась исследователями эмоций, в частности, очень отчетливо П.К. Анохиным. Мы, однако, не будем останавливаться на различных гипотезах, которые так или иначе выражают факт зависимости эмоций от соотношения (противоречия или согласия) между «бытием и долженствованием». Заметим лишь, что те трудности, которые обнаруживаются, объясняются главным образом тем, что эмоции рассматриваются, во-первых, без достаточно четкой дифференциации их на различные подклассы (аффекты и страсти, собственно эмоции и чувства), отличающиеся друг от друга как генетически, так и функционально, и, во-вторых, вне связи со структурой и уровнем той деятельности которую они регулируют. В отличие от аффектов, эмоции имеют идеаторный характер и, как это было отмечено еще Клапаредом, «сдвинуты к началу», т. е. способны регулировать деятельность в соответствии с превосходящими обстоятельствами. Как и все идеаторные явления эмоции могут обобщаться и коммуницироваться; у человека существует не только индивидуальный, эмоциональный опыт, но и эмоциональный опыт, который им усвоен в процессах коммуникации эмоций.

Самая же важная особенность эмоций заключается в том, что они релевантны именно деятельности, а не входящим в ее состав процессам, например отдельным актам, действиям. Поэтому одно и то же действие, переходя из одной деятельности в другую, может, как известно, приобретать разную и даже противоположную по своему знаку эмоциональную окраску. А это значит, что присущая эмоциям функция, положительно или отрицательно санкционированная, относится не к осуществлению отдельных актов, а к соотношению достигаемых эффектов с направлением, которое задано деятельности ее мотивом. Само по себе успешное выполнение того или иного действия вовсе не ведет необходимо к положительной эмоции; оно может породить и тяжелое эмоционально переживание, остро сигнализирующее о том, что со стороны мотивационной сферы человека достигнутый успех оборачивается поражением.

Рассогласование, коррекция, санкционирование имеют место на любом уровне деятельности, в отношении любых образующих ее «единиц», начиная с простейших приспособительных движений. Поэтому главный вопрос заключается в том, что именно и как именно санкционируется: исполнительный акт, отдельные действия, направленность деятельности, а может быть, направленность всей жизни человека.

Эмоции выполняют очень важную функцию в мотивации деятельности и мы еще вернемся к этому вопросу, — но сами эмоции не являются мотивами. Когда-то Дж. Ст. Мильс с большой психологической проницательностью говорил о «хитрой стратегии счастья»: чтобы испытать эмоции удовольствия, счастья, нужно стремиться не к переживанию их, а к достижению таких целей, которые порождают эти переживания.

Подчиненность деятельности поиску наслаждений является в лучшем случае психологической иллюзией. Человеческая деятельность отнюдь не строится по образцу поведения крыс с введенными в мозговые «центры удовольствия» электродами, которые, если обучить их способу включения тока, раздражающего данные центры, без конца предаются этому занятию, доводя (по данным Олдса) частоту такого рода «самораздражений» до несколько тысяч в час. Можно без особого труда подобрать

аналогичные поведения и у человека: мастурбация, курение опиума, самопогружение в аутистическую грезу. Они, однако, скорее свидетельствуют о возможности извращения деятельности, чем о природе мотивов мотивов действительной, утверждающей себя человеческой жизни, они вступают в противоречие, в конфликт с этими действительными мотивами.

Мотивация деятельности человека представляет собой весьма сложный процесс, требующий специального психологического анализа. Прежде всего необходимо ввести некоторые дальнейшие различия. Одно из них, это различие мотивов и целей. Осуществляя деятельность, побуждаемую и направляемую мотивом, человек ставит перед собой цели, достижение которых ведет к удовлетворению потребности, получившей свое предметное содержание в мотиве данной деятельности. Таким образом, вопреки высказываемым некоторыми авторами положениям, мотивы следует отличать от сознательных целей и намерений; мотивы «стоят за целями», побуждают к достижению целей. В том же случае, когда цели прямо не даны в ситуации, то они побуждают к целеобразованию. Они, однако, не порождают целей так же как потребности не порождают своих объектов. То, что на уровне приспособительной деятельности выступает в форме избирательности по отношению к воздействующим объектам. На высших ее уровнях выражается в избирательности по отношению к предвидимым результатам возможных действий, представляемым (сознаваемым) субъектом, т. е. целям. В том случае, если целеобразование в наличных объективных условиях невозможно и ни одно звено деятельности субъекта, адекватной мотиву, не может реализоваться, то данный мотив остается лишь потенциальным существующим в форме готовности, в форме установки.

Генетически исходным и характерным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей. Напротив, их совпадение есть вторичное явление либо результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы. Либо результат осознания мотивов, превращающего их в мотивы-цели. В отличие от целей, которые всегда, конечно, являются сознательными. Мотивы, как правило, актуально не сознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия внешние, практические или речевые, мыслительные, то мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают. Правда, мы всегда можем дать их мотивировку; но мотивировка — это не объяснение основания действия, которое вовсе не всегда содержит в себе указание на его действительный мотив. Широко известные гипнотические опыты с отсроченным выполнением внутреннего действия могут служить яркой демонстрацией этого: при полной амнезии факта внушения испытуемый тем не менее объясняет свое действие так, как он объяснил бы аналогичное действие, если оно было бы выполнено другим человеком.

Мотивы, однако, не «отделены» от сознания. Даже когда мотивы не сознаются субъектом, т. е. когда он не отдает себе отчета в том, что побуждает его осуществлять ту или иную деятельность, они, образно говоря, входят в его сознание, но только особым образом. Они придают сознательному отражению субъективную окрашенность, которая выражает значение отражаемого для самого субъекта, его, как мы говорим, личностный смысл.

Таким образом, кроме своей основной функции функции побуждения, мотивы имеют еще и вторую функцию функцию смыслообразования.

Выделение этой второй функции мотивов решающе важно для понимания внутреннего строения индивидуального сознания и именно как сознание личности; поэтому нам еще предстоит неоднократно возвращаться к ее анализу. Здесь, имея в виду лишь задачу дать характеристику самих мотивов, мы ограничимся простой констатацией того факта, что обе указанные функции мотивов способны распределяться между разными мотивами одной и той же деятельности. Это возможно вследствие того, что человеческая деятельность является полимотивированной, т. е. регулируемой одновременно двумя или даже несколькими мотивами. Ведь человек в своей деятельности объективно реализует целую систему отношений: к предметному миру, к окружающим людям, к обществу и, наконец, к самому себе. Некоторые из этих отношений выступают для него также и субъективно.

Например, в своей трудовой деятельности человек не только вступает в отношение к продукту труда, к обществу, но и к конкретным людям. Его трудовая деятельность общественно мотивирована, но она управляется также и такими мотивами как, скажем, — материальным вознаграждением за выполняемый труд. Оба эти мотива сосуществуют. Но выступают ли они для субъекта психологически одинаково. Хорошо известно, что это не так, что они лежат как бы в разных психологических плоскостях. В условиях социализма смысл труда для человека создается общественными мотивами; что же касается вознаграждения, то этот мотив скорее выступает в функции побуждения, стимулирования. Таким образом, одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл; мы будем называть их ведущими или смыслообразующими. Другие, сосуществующие с ними мотивы выполняют роль дополнительных побуждающих факторов положительных или отрицательных порой весьма могучих; мы будем называть их мотивами-стимулами.

Такое распределение функций смыслообразования и побуждения между мотивами одной и той же деятельности имеет свое основание в особых отношениях, которые вообще характеризуют мотивационную сферу человека. Это суть отношения иерархии мотивов, которая отнюдь не строится по шкале их побудительности. Эти-то иерархические отношения и воспроизводятся распределением функций между смыслообразующими мотивами и мотивами-стимулами единой полимотивированной деятельности. Таким образом, различие обоих видов мотивов является релятивным. В одной иерархической структуре данный мотив может выполнять только смыслообразующую функцию, в другой выполнять функцию дополнительной стимуляции; при этом смыслообразующие мотивы всегда занимают в общей иерархии мотивов относительно более высокое место, чем мотивы-стимулы.

В своих воспоминаниях о заточении в Шлиссельбургской крепости Вера Фигнер рассказывает о том, что для политических заключенных тюремное начальство ввело физический, но совершенно непродуктивный принудительный труд. Хотя меры принуждения были, разумеется, мотивом, способным побудить заключенных к его выполнению, но в силу того места, которое этот мотив занимал в иерархической структуре их мотивационной сферы, он не мог выполнить роль смыслообразующего мотива; такой труд оставался для них бессмысленным и поэтому все более непереносимым. Заключенные нашли чисто психологический выход: они включили это бессмысленное занятие в контекст главного мотива — продолжать борьбу с самодержавием. Теперь никому не нужная переноска земли субъективно превратилась для них в средство поддержания своих физических и нравственных сил для этой борьбы.

Изучение мотивов деятельности требует проникнуть в их иерархию, во внутреннюю структуру мотивационной сферы человека, ибо это и определяет их психологическую «валентность». Поэтому никакая отвлеченная от структуры мотивационной сферы классификация человеческих мотивов невозможна; она неизбежно превращается в ничего не говорящий перечень: политические и нравственные идеалы, интерес к получению впечатлений от спорта и развлечений, стремление к устройству быта, потребность в деньгах, чувства признательности, любви и т. д., привычки и традиции, подражание моде, манерам или образцам поведения.

Мы рассмотрели проблему отношения мотивов к потребностям и к деятельности; нам осталось рассмотреть последнюю проблему: проблему осознания мотивов. Как уже было сказано, необходимо сознавая цели своих действий, человек может не сознавать их мотивов. Этот психологический факт нуждается прежде всего в устранении его ложного истолкования.

Существование несознаваемых мотивов отнюдь не требует относить их к «бессознательному», как оно понимается психоаналитиками. Они не выражают никакого особого таящегося в глубинах человека начала, которое вмешивается в управление его деятельностью. Несознаваемые мотивы имеют тот же источник и ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: бытие, деятельность человека в реальном мире.

Несознаваемое не отделено от сознаваемого и они не противостоят друг другу; это лишь разные уровни психического отражения, свойственного человеку, которые наличествуют в любой сложной деятельности, что понималось многими объективными исследователями и очень ясно было выражено И.П. Павловым. «Мы отлично знаем, — писал он, — до какой степени душевная психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного».

Абсолютизация несознаваемого представляет собой лишь оборотную сторону абсолютизации сознания, как якобы единственной психологической реальности и единственного предмета психологии, на чем удивительным образом до сих пор настаивают некоторые авторы. Отказ от этой абсолютизации радикально меняет подход к проблеме: исходным для ее решения становится не вопрос о том, какова роль бессознательного в сознательной жизни, а вопрос об условиях, порождающих у человека психическое отражение в форме сознания, сознавания и о функции сознания. С этой точки зрения должна быть рассмотрена и проблема сознавания мотивов деятельности.

Как уже говорилось, обычно мотивы деятельности актуально не сознаются. Это психологический факт. Действуя под влиянием того или иного побуждения, человек сознает цели своих действий; в тот момент, когда он действует, цель необходимо «присутствует в его сознании», и, по известному выражению Маркса, как закон определяет его действия.

Иначе обстоит дело с осознанием мотивов действий, того, ради чего они совершаются. Мотивы несут в себе предметное содержание, которое должно так или иначе восприниматься субъектом. На уровне человека это содержание отражается, преломляясь в системе языковых значений, т. е. осознается. Ничего решительно не отличает отражение этого содержания от отражения человеком других объектов окружающего его мира. Объект, побуждающий действовать, и объект, выступающий в той же ситуации, например, в роли преграды, являются в отношении возможностей их отражения, познания «равноправными». То, чем они отличаются друг от друга, это не степень отчетливости и полноты их восприятия или уровень их обобщенности, а их функция и место в структуре деятельности.

Последнее обнаруживается прежде всего объективно в самом поведении, особенно в условиях альтернативных жизненных ситуаций. Но существуют также специфические субъективные формы, в которых объекты находят свое отражение именно со стороны их побудительности. Это переживания, которые мы описываем в терминах желания, хотения, стремления и т. п. Однако сами по себе они не отражают никакого предметного содержания; они лишь относятся к тому или иному объекту, лишь субъективно «окрашивают» его. Возникающая передо мною цель воспринимается мною в ее объективном значении, т. е. я понимаю ее обусловленность, представляю себе средства ее достижения и более отдаленные результаты, к которым она ведет; вместе с тем, я испытываю стремление, желание действовать в направлении данной цели или, наоборот, негативные переживания, препятствующие этому. В обоих случаях они выполняют роль внутренних сигналов, посредством которых происходит регуляция динамики деятельности. Что, однако, скрывается за этими сигналами, что они отражают? Непосредственно, для самого субъекта, они как бы только «метят» объекты и их осознание есть лишь сознание их наличия, а вовсе не осознание того, что их порождает. Это и создает впечатление, что они возникают эндогенно и что именно они являются силами, движущими поведением его истинными мотивами.

Даже в случае, когда при этом описании динамического аспекта деятельности пользуются такими понятиями как «побудительная сила вещей» или «векторы поля», то само по себе это вовсе еще не исключает признания, что объекты внешнего мира являются только «проявителями» внутренних психических сил, движущих субъектом. Возникает возможность простого обращения терминов и этой возможности нельзя избежать, если оставаться в пределах анализа отношения между наличным объектом или наличной ситуацией, с одной стороны, и наличным состоянием субъекта с другой. В действительности такое отношение всегда включено в более широкую, определяющую его систему. Это

система общественных по своей природе отношений, в которые вступает человек к окружающему миру и который открывается ему в его деятельности не только как мир вещественных объектов, — природных и объектов материальной культуры, и неотделимо от этого, как мир человеческих отношений. Проникновение в этот широкий мир, в его объективные связи и порождает мотивы, побуждающие человека к действиям.

Переживание человеком острого желания достигнуть открывающуюся перед ним цель, которое субъективно отличает ее как сильный положительный «вектор поля», само по себе еще ничего не говорит о том, в чем заключается движущий им смыслообразующий мотив. Может быть мотивом является именно данная цель, но это особый случай; обычно же мотив не совпадает с целью, лежит за ней. Поэтому его обнаружение составляет специальную задачу: задачу осознания мотива.

Так как речь идет об осознании смыслообразующих мотивов, то эта задача может быть описана и иначе, а именно как задача осознания личностного смысла (именно личностного смысла, а не объективного значения!), который имеют для человека те или иные его действия, их цели.

Задачи осознания мотивов порождаются необходимостью найти себя в системе жизненных отношений и поэтому возникают лишь на известной ступени развития личности когда формируется подлинное самосознание. Поэтому для детей такой задачи просто не существует.

Когда у ребенка возникает стремление пойти в школу, стать школьником, то он, конечно, знает, что делают в школе и для чего нужно учиться. Но ведущий мотив, лежащий за этим стремлением, скрыт от него, хотя он и не затрудняется в объяснениях-мотивировках, нередко просто повторяющих слышанное им. Выяснить этот мотив можно только путем специального исследования. Можно, скажем, изучить как играют старшие дошкольники «в школу», воспользовавшись тем, что в ролевой игре обнажается тот смысл, который имеют для ребенка выполняемые им игровые действия. Другим примером исследования мотивов учения у детей, уже переступавших порог школы, может служить исследование Л.И. Божович, основанное на анализе реакций первоклассников на разные типы занятий, которые могут иметь либо «школьный» характер, либо характер игровой, так сказать, дошкольный, на перспективу удлинения времени перемен, на отмену урока и т. д.

Позже, на этапе формирования сознания своего «я», работа по выявлению смыслообразующих мотивов выполняется самим субъектом. Ему приходится идти по тому же пути, по какому идет и объективное исследование, с той, однако, разницей, что он может обойтись без анализа своих внешних реакций на те или иные события: связь событий с мотивами, их личностный смысл непосредственно сигнализируется возникающими у него эмоциональными переживаниями.

День со множеством действий, успешно осуществленных человеком, которые в ходе выполнения представлялись ему адекватными, тем не менее может оставить у него неприятный, порой даже тяжелый эмоциональный осадок. На фоне продолжающейся жизни с ее текущими задачами этот осадок едва выделяется. Но в минуту, когда человек как бы оглядывается на себя и мысленно вновь перебирает события дня, усиливающийся эмоциональный сигнал безошибочно укажет ему на то, какое из них породило этот осадок. И может стать, например, что это успех его товарища в достижении общей цели, который был им самим же подготовлен, — той цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал. Оказалось, что это не вполне так, что может быть главное для него заключалось в личном продвижении, в карьере. Эта мысль и ставит его лицом к лицу перед «задачей на смысл», перед задачей осознания своих мотивов, точнее их действительного внутреннего соотношения.

Нужна известная внутренняя работа, чтобы решить эту задачу и может быть отторгнуть то, что вдруг обнажилось, потому что «беда, если вначале не убережешься, не подметишь самого себя и в пору не остановишься». Это писал Пирогов, об этом же проникновенно говорил Герцен, а вся жизнь Л.Н. Толстого великий пример такой

внутренней работы.

III. Эмоциональные процессы

§ 1. Общее учение об эмоциях

К эмоциональным процессам относится широкий класс процессов, внутренней регуляции деятельности. Эту функцию они выполняют, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта, их значения для осуществления его жизни.

У человека эмоции порождают переживания удовольствия, неудовольствия, страха, робости и т. п., которые играют роль ориентирующих субъективных сигналов. Простейшие эмоциональные процессы выражаются в органических, двигательных и секреторных изменениях и принадлежат к числу врожденных реакций. Однако в ходе развития эмоции утрачивают свою, прямую инстинктивную основу, приобретаю сложнообусловленный характер, дифференцируются и образуют многообразные виды так называемых высших эмоциональных процессов; социальных, интеллектуальных и эстетических, которые у человека составляют главное содержание его эмоциональной жизни. По своему происхождению, способам проявления и формам протекания эмоции характеризуются рядом специфических закономерностей.

В психологии 18–19 вв. высказывались два рода взглядов на природу эмоций: с одной стороны, интеллектуалистические взгляды, согласно которым эмоции суть вторичные состояния сознания, зависящие от познавательной деятельности, от представлений, а с другой стороны, — взгляды, утверждающие первичный и самостоятельный характер эмоциональных процессов, их связь с биологическими функциями организма.

Виднейшим представителем интеллектуалистической точки зрения в учении об эмоциях является Н. Герbart (1776–1841), выдвинувший гипотезу, согласно которой эмоциональные состояния зависят от соотношения представлений, причем задержка их вызывает отрицательно окрашенные эмоции, а их взаимное усиление вызывает положительные эмоции. Теория Гербарта, получившая в немецкой психологии девятнадцатого столетия довольно широкое распространение, в настоящее время не имеет прямых сторонников.

Гораздо большее значение для дальнейшего развития учения об эмоциях имели взгляды на эмоции, как на особые приспособительные процессы организма. Важнейшую роль в формировании этих взглядов сыграло появление работы Ч. Дарвина «О выражении эмоций у человека и животных» (1889). Подчеркивая общность объективного выражения эмоциональных состояний у человека и животных, Дарвин распространил эволюционную точку зрения на эмоции. Выразительные движения у животных сопровождают инстинктивное поведение и представляют собой особый класс приспособлений «полезных ассоциированных привычек». К ним относятся, например, угрожающее оскаливание зубов, поднимание шерсти, увеличивающее видимые размеры тела и т. п. Не все, однако, выразительные движения могут быть объяснены принципом полезности. Поэтому Дарвин ввел еще два принципа объяснения: принцип антитезы, согласно которому противоположные инстинктивные поведения сопровождаются соответственно противоположными же выразительными движениями, хотя сами по себе последние могут и не иметь приспособительного значения, и, наконец, принцип прямого влияния возбуждения нервной системы, зависящего от ее устройства.

У человека выразительные движения, сопровождающие эмоции, утрачивают свое биологическое значение, и, приобретая форму рудиментов, лишь свидетельствуют о животном происхождении человеческих чувств. Таким образом, развитие человека сопровождается инволюцией эмоций. Это и дало основание рассматривать дарвиновскую теорию эмоций как ретроспективную.

Современная критика взглядов Дарвина подчеркивала, с одной стороны, ее несостоятельность в объяснении высших эмоций, которые на этом основании объявлялись чисто духовными, а с другой, — усматривали в идее инволюции эмоций у человека подкрепление идеала «цивилизованного» человека, возвышающегося своим хладнокровием над несдержанностью проявления чувств у «дикарей».

Во многих отношениях близкой к взглядам Дарвина является так называемая периферическая теория эмоций, почти одновременно выдвинутая американским философом и психологом Джемсом и датским врачом Г. Ланге. Согласно этой теории возникновение эмоций обусловлено вызываемыми теми или иными воздействиями изменениями на периферии в произвольно-двигательной сфере (торможение движений, их дискоординация, двигательное возбуждение) и особенно в сфере произвольных движений (в сердечной деятельности, сужении или расширении кровеносных сосудов, в деятельности желез внешней и внутренней секреции); сумма ощущений, вызываемых этими изменениями. И образует состав эмоционального переживания. На этой схеме (внешнее воздействие, вызванные им изменения на периферии обратные сигналы, поступающие в мозг, — эмоциональное переживание) и основан так называемый «Парадокс Джемса»: «Мы плачем, — писал Джемс, — не потому, что мы печальны... наоборот, мы печальны потому, что мы плачем». Достаточно вычесть из нашего эмоционального переживания ощущения от возникших органических изменений, чтобы оно исчезло. С другой стороны, если вызвать каким-либо образом подобные изменения как это делают, например, актеры, то возникает и соответствующее переживание. Многообразие эмоций объясняется периферической теорией различием в возникающих периферических изменениях. Более подробно эта мысль была развита Г. Ланге, который дал следующую схему соотношения этих изменений с различными эмоциями:

уменьшение произвольной иннервации — разочарование
то же + сжатие сосудов — печаль
то же + сжатие сосудов + судорога органических мускулов — страх
то же + расстройство координации — смущение
увеличение произвольной иннервации — нетерпение
то же + расширение сосудов — радость
то же + расстройство координации — гнев

Периферическая теория была крупным шагом вперед в развитии представлений о механизме эмоций, она, однако, сохраняла все недостатки рудиментарной, ретроспективной теории Дарвина. Как и последняя, она не могла объяснить особенности высших чувств, которые трактовались либо как имеющие другую, духовную природу (Джемс). Либо лишь как «бледный образ того, что некогда было эмоцией» (Рибо). Возражения против теории Джемса-Ланге, выдвинутые в психологии, шли в двояком направлении: против понимания эмоциональных переживаний как совокупности ощущений, вызываемых периферическими изменениями, причем подчеркивалось значение высших психических процессов в самом протекании эмоций; с другой стороны, критиковалась их психологическая «одномерность», которой противопоставлялась «трехмерная» характеристика эмоций, включающая в себя кроме состояний. Образующих переходы между удовольствием-неудовольствием, также состояние напряжения разрешения и возбуждения успокоения (В. Вундт).

Главное положение теории Джемса-Ланге о решающей роли периферических изменений оспаривалось также и некоторыми физиологами, в том числе Шеррингтоном, который показал в опытах с животными, что отделение висцеральной системы от ЦНС не изменяет их общего поведения в ответ на воздействия, вызывающие эмоции. Несмотря на серьезную критику, которой подвергалась периферическая теория эмоций, она в различных своих вариантах продолжала удерживаться в психологии вплоть до появления исследований Кеннона, Барта и др., которые заставили полностью отвергнуть ее. Данные, полученные

Кенноном, позволили установить, что особенности эмоций не находятся в соответствии с возникающими висцеральными изменениями, что «те же самые висцеральные изменения происходят при самых разных эмоциональных состояниях и при состояниях неэмоциональных»; что висцеральные изменения являются относительно медленными и наступают уже после того, как возникла эмоциональная реакция («Мы сначала пугаемся, а затем бледнеем»); что, наконец, искусственное вызывание у людей висцеральных изменений путем введения адреналина не вызывает соответствующей эмоции («Я чувствуя себя так, — свидетельствует один из испытуемых Кеннона, — как если бы я был испуган»). В результате исследований Кеннона и исследований, аналогичных им, а также на основе анализа данных, полученных при изучении патологических изменений в эмоциональной сфере, возникающих при поражении подкорковых центров, произошел окончательный переход от периферических к «центральной» теориям эмоций.

Согласно схеме, предложенной Кенноном-Бартом, эмоциональные состояния объясняются специфической деятельностью центральной нервной системы и непосредственно связаны с деятельностью таламуса. Так называемая «активационная теория эмоций» Д. Линдслея, опирающаяся на данные электроэнцефалографических исследований функциональных соотношений коры больших полушарий, гипоталамуса и ретикулярной формации, рассматривает эмоции как результат активирующего влияния на кору нижнего отдела последней; при этом функции эмоций заключаются в гомеостатической регуляции висцеральных процессов. Известна также теория Папеца, подчеркивающая преимущественную роль лимбической системы.

К «центральной» теориям принадлежат также представления о механизме эмоций, выдвинутые И.П. Павловым. Он различал, с одной стороны, врожденные эмоции, связанные с удовлетворением или неудовлетворением врожденных инстинктов (эмоции голода, полового влечения, гнева), а с другой, — чувства, возникающие вследствие изменений условий протекания условно-рефлекторных по своей природе динамических стереотипов («Нужно думать, — писал И.П. Павлов, что нервные процессы полушарий при установке и поддержке динамического стереотипа есть то, что обыкновенно называется чувствами в их двух основных категориях положительной и отрицательной и в их огромной градации интенсивностей»).

Биологическая теория эмоций была предложена П.К. Анохиным. Она исходит из общей идеи о приспособительном значении эмоций и их связи с потребностями, их цикличностью; напряжение потребности вызывает отрицательные, а их удовлетворение положительные эмоции. Отрицательные эмоции возникают в результате несовпадения акцептора действия, что делает необходимым дальнейший поиск адекватного поведения; положительные эмоции возникают, наоборот, в случае, если обратные афферентации от результата действия достаточно точно совпадают с параметрами акцептора; они подкрепляют данное действие и прекращают дальнейший поиск.

Ситуационный характер эмоций подчеркивается П.В. Симоновым, сформулировавшим «информационную» гипотезу эмоций, согласно которой эмоция возникает при несовпадении информации, прогностически необходимой для приспособительного поведения, и информации наличной.

Схематическое изображение теории Джемса-Ланге и таламической теории эмоций Кеннона

R — рецептор; С — кора головного мозга; V — внутренности; SKM — скелетная мышца; Th — таламус; P — система возбуждения. Связывающие линии представляют нервные пути. Направление импульсов обозначено стрелками. Кортико-таламический путь 3 справа имеет тормозную функцию (по Кеннону, 1931).

Вместе с развитием представлений о биологической роли и физиологических механизмах эмоциональных процессов развивалось и психологическое понимание эмоций.

Выделение эмоций, как особого класса психических процессов, успехи психологических и патопсихологических исследований позволили преодолеть как интеллектуалистические, так и биологизаторские взгляды на природу эмоций человека, и выделить их специфические особенности. Накопленные факты показывают, что даже так называемые низшие эмоции являются у человека продуктом общественно-исторического развития, результатом трансформации их инстинктивных, биологических форм, с одной стороны, и формирования новых видов эмоций с другой; это относится также к эмоционально выразительным, мимическим и пантомимическим движениями, которые, включаясь в процесс общения между людьми, приобретают в значительной мере условный, сигнальный и вместе с тем социальный характер, чем и объясняются отмечаемые культурные различия в мимике и эмоциональных жестах. Таким образом, эмоции и эмоциональные выразительные движения человека представляют собой не рудиментарные явления его психики, а продукт положительного развития и выполняют в регулировании его деятельности, в том числе и познавательной, необходимую и важную роль. В ходе своего развития эмоции дифференцируются и образуют у человека различные виды, отличающиеся по своим психологическим особенностям и закономерностям своего протекания. К эмоциональным, в широком смысле, процессам в настоящее время принято относить аффекты, собственно эмоции и чувства.

§ 2. Аффекты

Аффектами называют в современной психологии сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями, содержание и характер которых может, однако, изменяться, в частности, под влиянием воспитания и самовоспитания. У человека аффекты вызываются не только факторами, затрагивающими поддержание его физического существования, связанными с его биологическими потребностями и инстинктами. Они могут возникать также в складывающихся социальных отношениях, например, в результате социальные оценок и санкций. Одна, из особенностей аффектов состоит в том, что они возникают в ответ на уже фактически наступившую ситуацию и в этом смысле являются как бы сдвинутыми к концу события (Клапаред); в связи с этим их регулирующая функция состоит в образовании специфического опыта аффективных следов, определяющих избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам которые прежде вызывали аффект. Такие аффективные следы («аффективные комплексы») обнаруживают тенденцию навязчивости и тенденцию к торможению. Действие этих противоположных тенденций отчетливо обнаруживается в ассоциативном эксперименте (Юнг): первая проявляется, в том, что даже относительно далекие по смыслу слова-раздражители вызывают по ассоциации элементы аффективного комплекса: вторая тенденция проявляется в том что актуализация элементов аффективного комплекса вызывает торможение речевых реакций, а также торможение и нарушение сопряженных с ними двигательных реакций (А.Р. Лурия); возникают так же и другие симптомы (изменение кожно-гальванической реакции, сосудистые изменения и др.). На этом и основан принцип действия так называемого «лай-детектора» прибора, служащего для диагностики причастности подозреваемого к расследуемому преступлению. При известных условиях аффективные комплексы могут полностью отторгиваться, вытесняться из сознания. Особое, преувеличенное значение последнему придается, в частности, в психоанализе.

Другое свойство аффектов состоит в том, что повторение ситуаций, вызывающих то или иное отрицательное аффективное состояние, ведет к аккумуляции аффекта, которая может разрядиться в бурном неуправляемом "аффективном поведении — «аффективном взрыве». В связи с этим свойством аккумуляции аффектов были предложены в воспитательных и терапевтических целях различные методы изживания аффекта, их «канализации».

§ 3. Собственно эмоции

В отличие от аффектов, собственно эмоции представляют собой более длительные состояния, иногда лишь слабо проявляющиеся во внешнем поведении. Они имеют отчетливо выраженный ситуационный характер, т. е. выражают оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них. Собственно эмоции носят отчетливо выраженный идеаторный характер; это значит, что они способны предвосхищать ситуации и события, которые реально еще не наступили, и возникают в связи с представлениями, о пережитых или воображаемых ситуациях. Их важнейшая особенность состоит в их способности к обобщению и коммуникации; поэтому эмоциональный опыт человека гораздо шире, чем опыт его индивидуальных переживаний: он формируется также в результате эмоциональных сопереживаний, возникающих в общении с другими людьми, и в частности передаваемых средствами искусства (Б. М. Теплов). Само выражение эмоций приобретает черты социально формирующегося исторически изменчивого «эмоционального языка», о чем свидетельствуют и многочисленные этнографические описания и такие факты, как, например, своеобразная бедность мимики у врожденно слепых людей. Собственно эмоции находятся в другом отношении к личности и сознанию, чем аффекты. Первые воспринимаются субъектом как состояния моего «я», вторые — как состояния, происходящие «во мне». Это отличие ярко выступает в случаях, когда эмоции возникают как реакция на аффект; так, например, возможно появление эмоции боязни появления аффекта страха или эмоции, вызываемой пережитым аффектом, например аффектом острого гнева.

Особый вид эмоций составляют эстетические эмоции, выполняющие важнейшую функцию в развитии смысловой сферы личности.

§ 4. Чувства

Более условным и менее общепринятым является выделение чувств как особого подкласса эмоциональных процессов. Основанием для их выделения служит их отчетливо выраженный предметный характер, возникающий в результате специфического обобщения эмоций, связывающегося с представлением или идеей о некотором объекте конкретном или обобщенном, отвлечённом (например, чувство любви к человеку, к родине, чувство ненависти к врагу и т. п.). Возникновение и развитие предметных чувств выражает формирование устойчивых эмоциональных отношений, своеобразных «эмоциональных констант». Несовпадение собственно эмоций и чувств и возможность противоречивости между ними послужили в психологии основанием идеи об амбивалентности как о якобы внутренне присущей особенности эмоций. Однако случаи амбивалентных переживаний наиболее часто возникают в результате несовпадения устойчивого эмоционального отношения, к объекту, и эмоциональной реакции на сложившуюся переходящую ситуацию (например, глубоко любимый человек может в определенной ситуации вызвать переходящую эмоцию неудовольствия, даже гнева). Другая особенность чувств состоит в том, что они образуют ряд уровней, начиная от непосредственных чувств к конкретному объекту и кончая высшими социальными чувствами, относящимися к социальным ценностям и идеалам. Эти различные уровни связаны и с разными по своей форме обобщениями объекта чувств: образами или понятиями, образующими содержание нравственного сознания человека. Существенную роль в формировании и развитии высших человеческих чувств имеют социальные институты, в частности социальная символика, поддерживающая их устойчивость (например, знамя), некоторые обряды и социальные акты (П. Жане). Как и собственно эмоции, чувства имеют у человека свое положительное развитие и, имея естественные предпосылки, являются продуктом его жизни в обществе, общения и воспитания.

